

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОБЪЯСНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА С АНТРОПОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ?

*Петер Люти,
историк, Швейцария*

Перевод Елены Колюховой

Время общественно-политических потрясений – без сомнения, испытание и тест для ученых, которые эту общественно-политическую жизнь изучают. Особенно для историков. Особенно для историков-антропософов: мало того, что ты смотришь «иными глазами» с точки зрения вечности, так еще и «иными глазами» с точки зрения духа. А оттуда может оказаться, что «белое будет выглядеть черным, а черное белым»*.

Петер Люти, историк и вальдорфский учитель, как никто другой глубоко погружается в сам этот вопрос: как возможно духовнонаучное историческое познание. Предлагаемые статьи были написаны полгода назад, причем первая – для журнала «Das Goetheanum». Однако по неизвестным (или же, к сожалению, вполне известным) причинам она не была опубликована.

* См. Рудольф Штайнер, «Тайна смерти», GA 159–160, лекция 14, 17.6.1915

Обсуждение украинского конфликта раскололо участвовавшие в нем народы, раскол прошел по родственным связям, по дружбе, по вальдорфскому движению. Также и в «антропософских кругах» со всей эмоциональной горячностью, которая казалось уже преодоленной благодаря антропософии, были заняты противоположные позиции — в России, в Украине, в Средней Европе. Такое впечатление, что антропософия еще и усиливает непримиримость противоположных суждений. Исследованию этого болезненного феномена и будет посвящено данное рассмотрение.

Во всевозможных дискуссиях, проводимых в печатных изданиях, интернете, в устном общении я все снова и снова сталкиваюсь с сильными потребностями душевной области, которые могут определенным образом окрашивать мыслительный процесс, направленный на осмысление украинского конфликта, или даже брать верх над ним. Даже Гете сознается (это место Рудольф Штайнер выбрал в качестве исходной точки «Теософии») в необходимости такого рассмотрения, которое принимает собственное душевное мерило наблюдателя в качестве путеводной нити, «ибо вся судьба (наблюдателя) зависит от того, нравятся ли ему (предметы) или же он находит их неприятными». «Тем самым, — дополняет Гете Рудольф Штайнер, — он делает мир чем-то, что касается его самого, что имеет значение для него». И все же оба они указывают на третий способ рассмотрения, подобающий «богоподобным существам» — как цель, к которой исследователь «должен неуклонно стремиться».

Как действующую душевную предпосылку мышления в дискуссиях по Украине я встречал, прежде всего, потребность возмущаться.

С ней связаны и другие потребности: обвинять виновных, разоблачать тайные происки, бороться со злом на стороне добра в мировых масштабах или быть пророком Апокалипсиса. Обвинения могут быть вполне справедливыми, но глу-

бокое удовлетворение, которое испытывает при этом обвиняющий, не оставляет незатронутой способность суждения, при этом восприятия, не подпитывающие данную потребность, решительно отфильтровываются.

В Украине, понятное дело, действенны еще и другие душевные элементы. Было бы слишком самонадеянно во имя способа рассмотрения «подобно божественным существам» хладнокровно их отстранить, перешагнуть через них, игнорируя все пройденные испытания. В первую очередь, это страх перед гигантской военной мощью соседа, которая приблизилась во всей своей реальности. На уровне, недоступном аргументам разумности, действуют печаль и гнев перед лицом «врага», убивающего «наших». Далее присутствует охватывающее всего человека переживание возвышенного времени Майдана (до эскалации насилия) — у тех, кто был очевидцем данных событий. К этому примешивается воодушевление национальным, которое, как кажется, помогает переносить потерянность индивидуума в современном мире и противится трезвому формированию понятий в теме «украинский народ».

С другой стороны, на российской почве, находишь как предпосылки мышления иные душевные конституции, и наиболее распространенная из них — это ностальгия. Сюда примешивается тоска по народной миссии, исходящей из морального превосходства, и если и страх, то не перед слабой Украиной, а перед агрессивной Америкой.

В обеих странах можно встретить культ роли жертвы.

Конечно же, и эта роль имеет свои основания — оправдания, если посмотреть на исторические факты. Но это не устраняет той закономерности, что душевная потребность рассматривать себя как жертву парализует самопознание (а вместе с этим и миропознание). Далее, и там, и там есть тоска

по духу, которая выражается в языческом культе героев, что спутывается с почитанием христианских святых мучеников.

II

Можно ли этому адскому котлу эмоций, внутри которого живет смутное осознание того, что без образа врага собственная удовлетворенность своим способом мышления обрушилась бы, противопоставить нечто, что можно обосновать исходя из антропософии?

Первым скромным шагом могло бы быть признание того, что о конкретных событиях 2014–2016 гг. мы ничего не можем знать «с помощью Штайнера». Это был бы жест, которого сам Штайнер никогда не делал: говорить, скажем, о Первой мировой войне то же самое, что и о наполеоновских войнах. Уже в 1918 году он выражает непонимание в отношении людей, которые все еще продолжают повторять то же самое, что было сказано в 1914-м (GA 185a). Он говорил разное не только в отношении отдельных похожих событий, но и в отношении одного и того же события в разные периоды времени. Грандиозный подход к пониманию истории через миссию народных душ в 1919 году он больше не использует, вместо этого на передний план выступает социальная трехчленность — нечто совершенно новое, что как раз идет вразрез с предыдущим: «Поэтому не следует спрашивать о том, какие задачи будут иметь в будущем отдельные народы. Не народы будут иметь задачи, человечество будет иметь задачи» (GA 337b). И даже иллюстрация тех высказываний задним числом с помощью сегодняшних подходящих фактов будет скорее соответствовать роли мышления по отношению к открывшейся истине в *четвертую* культурную эпоху. Душа же *сознательная* хочет встречать выступающие ей навстречу феномены непредвзято и каждый раз по-новому.

Однако, в отличие от естествознания, особенностью исторической науки является то, что она не имеет перед глазами феномена: не может быть никакого исторического гетеанизма, что уже сам Гете отчетливо чувствовал. Это открывает ворота, с одной стороны, агностицизму, а с другой — мистическим спекуляциям. Исследование мировой истории, конечно же, не должно останавливаться на границе познания, но само понятие «выработка суждения» должно тут трансформироваться, поскольку специалист имеет перед собой в качестве объекта исследования не кусок гранита, но человека и человечество.

В «Очерке теории познания гетевского мировоззрения» Рудольф Штайнер описывает в 1886 году в качестве объекта исторического исследования человека и природу человека. *Ее хотения, ее тенденции* — вот то, что должно быть постигнуто.

Наша наука о познании совершенно не допускает, чтобы истории подсовывалась какая-либо цель...

И с нашей точки зрения так же ошибочно и рассматривать исторические события наподобие фактов естественных наук, как ряд причин и следствий.

Поэтому здесь о причине и следствии можно говорить только оставаясь совсем на поверхности, во внешнем. Можно ли думать, что точно передаешь самую суть дела, называя Лютера причиной Реформации? И кто может считать, что он правильно отображает суть дела, когда он путинский империализм или геополитические интриги США называет причинами украинского конфликта? Также и западные логи не могут в смысле этой теории познания служить *причинами*, которые бы *объясняли* процесс.

Более поздние изложения Рудольфа Штайнера пробуждают импульс искать действительность за поверхностью. Карикатурой на антропософское стремление «докопаться до сути» является объяснение истории через теорию заговора и происки спецслужб. *Действительность* Майдана ищется не в мотивах и действиях ак-

тивистов, как это требуется в «Очерке теории познания...», но, например, в американском финансировании противников режима. Было ли это финансирование или нет — это вопрос расследования, свободного от предрассудков, но его значение для исходящего из антропософии *понимания* сомнительно.

Для следующего шага к формированию суждения следовало бы напомнить об одной формулировке Рудольфа Штайнера относительно познавательного метода педагогики: «Подразумеваемое здесь духопознание не ведет, по образцу естествознания, к представлению отвлеченных идей, с тем чтобы применять их в отдельных случаях, но оно воспитывает у человека такую душевную конституцию, которая, имея перед собой отдельный случай, переживает его в его автономности, в его самостоятельности» («Педагогическое целеполагание вальдорфской школы», в GA 24). То есть, никакого познания отдельного ребенка, которое в мышлении выводится из *Общего учения о человеке!*

Если перенести этот метод на историю, то это значит — никакого познания конкретного исторического процесса, при котором к отдельному случаю, к украинскому конфликту, применялось бы «Общее учение о Западе и Востоке»!

Также и здесь путь должен пролегать через эту добытую путем упражнений «душевную конституцию», и потому вышеописанного умонастроения не избежать, *пока* ты хочешь оставаться лишь судьей, критиком ситуации.

В 1918 году Штайнер своим неожиданным ответом на вопрос, почему существовал царизм, указывает на то, сколь важным может быть душевное самонаблюдение для понимания истории: «Царизм существовал для того, чтобы Европе было что ненавидеть» (GA 180). Поскольку из других его рассматриваний становится ясно, насколько негативно Штайнер относился к царизму, это высказывание указывает на призыв к духовной бдительности: критическое неприятие, каким бы правомерным не виделось оно мыслящему

суждению, становится инструментом других всемирно-исторических сил в тот момент, когда оно укореняется в душевном. Потому что «это будут ненавидеть не просто люди». А ненависть присутствует уже тогда, когда отклоняешь те восприятия, которые грозят пошатнуть твоё негативное суждение. Таким образом, исправление достигается не лестью и мистическим обоснованием российской политики, но путем самовоспитания в душевной области. То же самое касается в наше время и анализа деструктивных устремлений американской политики, который безусловно необходим: тут точно также можно угодить в душевную ловушку и впустить демонов, которые будут в нас и вместе с нами ненавидеть Америку.

Надлежащая душевная конституция не является само собой разумеющейся ни для педагогов, ни для историков — она должна быть сперва выработана так же, как и историческое знание. В «Очерке теории познания...» принцип исторической науки удивительным образом обозначен именно через душевную конституцию: «Поэтому *преданность, самоотдача объекту* является единственно правильным методом».

Однако как же тогда должна выглядеть эта самоотдача объекту как метод в случае украинского конфликта?

В чем особенное качество суждения, исходящего из преданности объекту, а не из умствования? В том, что оно не «законченное»?

В самом деле, множество суждений об украинском конфликте были готовыми уже до того, как он начался, — оставалось их только извлечь.

В своем цикле «Историческая симптоматология» в 1918 г. Рудольф Штайнер направляет читателя на путь ученичества, способный привести к такой душевной конституции, которая позволяет «переживать в созерцании» отдельный исторический случай. Андре Бартоничек в своей книге «Имагинативное познание истории» (2009) выработал это очень впечатляюще. Кто попытается сделать на этом пути хотя бы первые шаги, сможет получить элементарный опыт: все сидящие в читателе оценки исторических

сил и событий динамически переоцениваются, пока в конечном счете не будет познано то, что соединяет события —

постепенная, ей самой необходимая конфронтация души сознательной с рождением и смертью, и далее — со злом.

Именно *этот* слой обнаруживается «за» поверхностью! Единственной ценностью, которая имеет значение для будущего, является новый «интерес от человека к человеку». Из этого моего читательского опыта вырисовывается предположение, что взгляд на современные мировые события, который можно было бы назвать христианским, лежит не в «критике мира», подкрепленной столетними цитатами, но в развитой с помощью антропософии «локальном взгляде» (как его в журнале «Агора» презрительно обозвал историк, по сравнению со своим «подлинным» объяснением событий через геостратегию) — то есть там, где от человека к человеку разыгрывается нечто конкретное, что индивидуальность в эпоху души сознательной должна познать через интерес к другому человеку, особенно к «чужому» и «врагу».

Не так давно университет города Базель организовал два дискуссионных вечера на тему Украины. На первом речь шла в основном о внешнеполитических обстоятельствах, и вечер завершился тем, что стороны заняли непримиримые позиции, т.е. ушли в обвинения. На втором вечере шел поиск понимания жизненной ситуации в Украине. Исполненные жизненных переживаний доклады двух историков-очевидцев закончились глубокой озадаченностью публики. Одна украинская студентка спросила в конце, что же сами украинцы могли бы сделать.

И оба историка, имеющие противоположные взгляды, тотчас же сошлись на одном-единственном ответе: отказаться от образа врага.